

Ирина Базанова

Недраное сердце
герцога

Ирина Ваганова

Ледяное сердце герцога

«Издательские решения»

Ваганова И.

Ледяное сердце герцога / И. Ваганова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834340-7

Псевдоисторический роман о том, как человек с холодным сердцем неожиданно получает дар любви. На пути к счастью герой попадает в ловушку. Верность первому чувству помогает ему преодолеть козни врагов и встать на защиту рубежей королевства. Паблик автора: <https://vk.com/club119422950>

ISBN 978-5-44-834340-7

© Ваганова И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Герцог	8
2. Мать	13
3. Барон	16
4. Крепость	20
5. Сирота	23
6. Граф и леди	29
7. Профессор-изгой и его ведьма	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ледяное сердце герцога

Ирина Ваганова

© Ирина Ваганова, 2016
© Ярослава Осокина, иллюстрации, 2016
© Елена Лев, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4340-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Легенда о ведьме из-за гор

История, которая произошла за двести лет до рождения мальчика по имени Громм, определила его судьбу и чуть не привела к мучительной смерти.

Виной всему кузен правящего тогда короля принц Виннет. Молодой повеса чуть не погиб на охоте. По счастью, в тот самый миг, когда медведь готовился разорвать беднягу, потерявшего и оружие, и спутников, в шаге от него возникла девушка и повелела хищнику отступить. Придя в себя от пережитого страха, его высочество Виннет пленился красотой и обаянием незнакомки. В её стройной фигуре, блестящих тёмных волосах и бледной прозрачной коже угадывалась тайная сила. Такая мощь бывает у жёлудя, который выбросил росток и вскоре станет могучим дубом. Под впечатлением от необузданного чувства принц назвал девушку невестой, чем весьма удивил подоспевшую с непростительным опозданием свиту. Поспешный обет и то, с каким упорством Виннет следовал ему, ничем другим, как чарами юной колдуньи, объяснить было невозможно. Дикарку считали ведьмой, прозвище закрепилось за ней до самой смерти.

Молодожёны создали семью наперекор мнению высшего света, воле короля и родителей Виннета. Десять лет они наслаждались счастьем, пока супруга не скончалась от неизвестного недуга. После рождения единственного ребёнка она стала терять силы, а незадолго до смерти лишилась разума. Вдовцу осталась дочь семи лет. Виннет погоревал-погоревал, да уступил просьбам родственников жениться вторично. Взял на сей раз достойную своего положения девушку. Молодая супруга Виннета оказалась разумной женщиной, она дарила падчерице столько нежности и любви, сколько та не видела от родной матери.

После десяти лет затворничества Виннет окунулся в светскую жизнь, предоставив юной жене заботу о дочке, которую в память о матери многие считали колдуньей. Ведьмина дочь росла, хорошела, всё больше напоминала и внешностью, и нравом родительницу. В аристократических кругах девушку не принимали, однако многие дамы пользовались её поддержкой в сердечных вопросах. Как и почившая ведьма, дочь заклятьями и приворотами помогала женщинам в поисках любви.

Девушка любила мачеху, но сторонилась отца. Злые языки утверждали, что сам Виннет избегает дочери. Бывало, под влиянием выпитого спиртного его высочество жаловался друзьям: «Моя верная Кандида не умерла, она вселилась в тело дочки и теперь наблюдает, как я живу с другой женщиной. Я двоеженец». Приятели утешали Виннета: неприятное наваждение появилось из-за того, что девчонку нарекли тем же именем и лицом она вылитая мамаша.

Хотя брак родителей Кандиды не был признан и девушку считали незаконнорожденной, благосклонности волоокой чаровницы искали многие видные женихи. Маркизы, виконты и баронеты жаждали бросить к ногам юной колдуньи всё, что имели, она же никому не отвечала взаимностью. Столицу сотрясали новости о самоубийствах молодых аристократов, о дуэлях между отвергнутыми женихами. Рассерженный король, чтобы покончить с этим, выслал дочь кузена в дальнюю провинцию за горы.

Кандида встретила известие об изгнании усмешкой. Отец сообщил о выделенных деньгах, о людях, данных в помощь для обустройства на месте. Она рассеянно выслушала, отстранилась, когда он хотел поцеловать её на прощание, и сказала, назвав по имени:

– Не беспокойся, Виннет, ты сделал для меня много больше, чем мог.

Кандида поселилась в уютном поместье за горами, но дамы из высшего света помнили о ней и, проклиная в душе неудобства, вызванные отъездом колдуньи из столицы, посылали в те края служанок с тайными письмами. Кандида в просьбах не отказывала, с поручениями

справлялась, благодаря чему имела неплохой доход и посмеивалась над выделенным отцом содержанием.

Тем временем наследнику престола пришла пора жениться. Из всех представленных ко двору невест выбрали двух. Одной из этих счастливиц оказалась юная леди, племянница Виннета. Пока родственники претенденток на руку принца интриговали за спиной друг у друга, кузина ведьмы помчалась за горы. На беду её соперницы, у колдуньи к той были и свои счёты. Выслушав будущую королеву, Кандида раскрыла объятия, радуясь возможности прочить девицу, которая однажды задела её обидным суждением.

Ведьма развела огонь в очаге и бросила туда какой-то порошок, отчего пламя стало фиолетовым. В этом необычном костре она сожгла локон, предусмотрительно и ловко состриженный кузиной у соперницы. Как только волоски вспыхнули, Кандида произнесла то самое заклинание, которое превратило в кошмар жизнь всех потомков несчастной, что по воле рока встала на пути у племянницы Виннета.

1. Герцог

Объехав участок границы, вверенный герцогу его величеством, небольшой отряд возвращался домой. Громм Эдуан навещал дозорные башни время от времени. Рейды он проводил не только из стремления поддерживать порядок и нагонять на подчиненных страху неожиданными проверками, молодой герцог любил испытывать себя на прочность – в жару ли, в дождь, в пургу скакать верхом по каменистым дорогам. Смысл его существования – служба, высококоротный воин посвящал себя ей без остатка, чувствуя собственную значимость для страны и короля.

– Ваша светлость, взгляните! Во-он там, – указал в небо слуга по имени Шугэ, – орлан. Говорят, увидеть его – к удаче.

– Орлан? Где? – задрал голову один из ратников. – Ух ты! Какой огромный! Если такая махина пролетит поблизости, душа в пятки уйдёт. Какая уж тут удача?

– Вот и везение: живым остаться, – засмеялся его товарищ.

Первым в группе ехал обедневший вассал герцога граф Приэмм Солоу. Он задумался, не слышал разговоров, не видел птицы, которая скрылась теперь за верхушками деревьев.

Не обеднел бы род Солоу, Приэмм смог жить в своём графстве. Обязанностью его было привести войско на зов сюзерена в случае нападения на Эдунский замок. Однако пять неурожайных лет и эпидемия, которая выкосила половину крестьян, сделали графа неспособным не только платить подати, но и содержать семью. Теперь двадцатидвухлетний Приэмм обеспечивал более-менее сносные условия жизни матери, двум сёстрам и брату благодаря положенному герцогом жалованию. Эдуан лично руководил гарнизоном крепости, а Солоу назначил своим заместителем.

Граф, как и многие аристократы королевства, хотел видеть Громма зятем или хотя бы другом. И то, и другое – безнадёжная мечта. Его светлость одинаково черство держал себя и мужчинами, и с женщинами. Все надежды установить приятельские отношения разбивались об эту холодность, как призрачные облачка о снежные вершины окружающих Эдунский замок гор. За три года безупречной службы Приэмм так и не добился расположения начальника.

Сейчас, осматривая придорожные кусты, он прикидывал, как бы устроить встречу герцога с очаровательной младшей сестричкой. Старшую он уже представил Громму. Неловко вспоминать, как та млела, глядя на равнодушное лицо несостоявшегося жениха. Всю обратную дорогу в столицу графства сестрица рыдала, не слушая уговоров Приэмма. Она крепко влюбилась, но дело не столько в этом. Холодный взгляд герцога, презрительный тон обидели девушку до глубины её нежной души.

– Почему он так со мной? Ведь не в том причина, что мы небогаты? – спрашивала она брата, отворачиваясь от него и глядя в окно кареты, чтобы не показать зарёванного лица. – Разве я уродина? Можно было хотя бы любезно разговаривать?

– Милая, дивная голубка, – Приэмм, чтобы придать теплоту словам, тронул локоть сестры, но она отстранилась, оставаясь одинокой в своём горе, – ты прекрасна, свежа, как первый подснежник. Я безоглядно влюбился бы, как только увидел тебя, не будь я братом.

Участие лишь сильнее огорчило отвергнутую девушку, плечи её задрожали, к всхлипам добавились поскуливания. Приэмму ничего не оставалось, как откинуться на спинку дивана и замолчать, разглядывая знакомые с детства холмы. Карета приближалась к дому.

Графиня Солоу, как только увидела сына и дочь, понурых, прячущих взгляд, не могла унять сердцебиения. Она хватала воздух, неестественно широко открывая рот, искала опору, ощупывая шаткий стол. Женщина сгоряча выплеснула на Приэмма упреки, но затем спохватилась и утешила всех, прежде всего саму себя. Вечером за чаем со сладостями, которые главный

повар герцога навязал в дорогу, семейство Солоу непринуждённо сплетничало о его светлости Эдуане.

Тогда и услышал граф о болезни ледяного сердца. Матушка рассказывала легенду о ведьме из-за гор, со вкусом смакуя подробности. Спohватившись, её милость потребовала сохранить тайну. Проклятье действовало только на аристократов, считалось, что болезнь можно наклепать, если знаешь о ней. Болтать зря не надо.

Конечно, это были предрассудки. Передаваемая по секрету история ледяного сердца за две сотни лет обросла ритуалами и суевериями. Однако верно рассказывали её или нет, положение девушек и юношей из проклятого рода легче не становилось.

Окрик сюзерена отвлек графа от размышлений.

– Приэм! Смотри! Птица несёт добычу.

Граф поднял зрительную трубу.

– Не пойму, телёнок или баран, еле тащит.

Гигантские орланы селились на скалах в недоступных районах, в предгорьях появлялись редко, а сейчас птица подлетела почти к самому замку! Такого давно не случалось. Встревоженные путники следили за полётом хищника.

– Вот стервец, – сказал кто-то, – крестьян напугает.

– Да это человек! – вскричал Приэм. – Он человека схватил!

Ещё две зрительные трубы взметнулись к небу. Орлан приближался, теперь можно разглядеть обессиленно повисшего в его когтях отрока.

– Цельсь! – приказал герцог. – Надо убить, повадится на людей охотиться и сородичей научит!

Воины взяли луки наизготовку.

– Он разобьётся, – негромко сказал Солоу.

– Кто?

– Человек, упав с такой высоты, разобьётся.

– Думаете, граф, мальчишка камням предпочтёт острый клюв орлана?

Выпущенные стрелы не попали в цель. Громм сам взялся за лук и первым выстрелом сразил хищника. Птица потеряла добычу, но держалась в воздухе. Ещё пять настигших её стрел прервали полёт.

– Найдите и отдайте чучельнику, – Эдуан тронул коня. – Действительно, редкая удача.

– Ваша светлость, можно посмотреть, что с парнишкой? – спросил Шугэ. – Он, кажется, упал на деревья.

– Разыщи и похорони. Пятеро на поиски, остальные со мной.

За следующим поворотом показалась надвратная башня, к ней и вела дорога. Замок – гордость рода Эдуанов. Во всём королевстве не сыщешь равного. Заложенный на высоком берегу судоходной реки Эдулы ещё прапрадедом Громма, он стал надёжным стражем границы королевства.

Площадь, цитадель и большой внутренний двор окружали каменные стены. Для придания прочности нижнюю часть стены сделали шире верхней. На вершине стены был широкий проход, хоть на коне скачи. Его светлость мальчишкой любил бегать там, командуя невидимыми защитниками. Юный маркиз выглядывал через узкие щели в зубцах, воображая, как неприятель двигает стенобитные орудия, посылал стрелы из подаренного отцом учебного лука и мчался к башне. Сторожевые башни, выдаваясь из тела внешней стены, позволяли вести обстрел вдоль неё. Дорожка проходила сквозь башню, но её можно было блокировать при необходимости, что маленький вояка и проделывал. Слугам, посланным герцогиней Эдуан, частенько приходилось разыскивать Громма, подолгу уговаривать, уверяя, что враги отступили и теперь можно идти обедать.

Каждый: путник, гость, житель, – приближаясь к замку, любовался внушительной красотой крепости, воздвигнутой в согласии с горным фоном. Вот и герцог с удовольствием осматривал свои владения.

Копыта лошадей застучали по доскам моста, перекинутого через глубокий ров. Мост на трёх опорах поднимался к воротам. Они были распахнуты, но любое движение в длинном затенённом проходе под башней прекратилось в ожидании проезда его светлости. Наблюдатели увидели отряд задолго до того, как он приблизился к мосту.

– Граф! – обратился к Приэмму герцог. – Опросите жителей деревень: замечали там орланов, или наш первый? Хорошо бы понять, почему он залетел сюда. Разве в горах мало добычи?

Отряд, проехав под башней, попал на площадь, где выстроился гарнизон. Казармы находились здесь же внутри крепостной стены, времени для сбора требовалось немного. Громм Эдуан оглядел воинов, похожих на частокол своей неподвижностью, выслушал доклад начальника стражи и направил коня к цитадели. Приэмм Солоу остался выполнять приказ. Уже отъехав на значительное расстояние, герцог услышал многоголосый шум. Ратники обсуждали появление гигантского орлана в предгорьях. С этими птицами связано множество предрассудков. О них говорили, как о предвестниках счастья, мало кому приходило в голову остерегаться их когтей. Будет лучше, если жители узнают о грозящей опасности. По крайней мере, станут внимательнее следить за детьми и животными, а не любоваться чудесной птицей с риском поплатиться за беспечность.

Громм напрасно позволил Шугэ отстать. Теперь придётся мыться и менять одежду без его помощи. Правда, есть забывчивый и рассеянный камердинер, который служил ещё отцу. Давно пора заменить его, но где такого найдёшь? Эдуаны всегда ценили преданность. Воспоминание о долговязом, жилистом старике, похожем на сухой, корявый, но всё ещё крепкий сучок в зелёной кроне дуба, вызвало улыбку. Отказываться от услуг верного человека Эдуан не хотел, камердинеру всегда можно поручить секретное дело и не беспокоиться о сохранении тайны, но в том, что касается быта, старик был совершенно бесполезен.

Для удобства воду из источника подвели к жилым помещениям в главном здании замка. Герцог привык пользоваться прохладной, это давало бодрость, но сейчас, после дальней утомительной дороги, хорошо бы расслабиться.

Поднимаясь по винтовой лестнице на свой этаж, он услышал торопливые шаги навстречу. Выхватил меч, подумал, как неудобно им орудовать, ведь лестницы выстроены в расчёте на оборону, так, чтобы преимущество было у тех, кто защищает семью герцога.

– Ваша светлость! – предусмотрительно подал голос кто-то. – Я вас жду, камин затопил, воду согрел! Отдохнёте хорошенько, а то когда ещё Шугэ расстарается!

Громм резким движением убрал меч в ножны. Это камердинер. Едва взглянув на радостное лицо, герцог кивнул, взбежал по лестнице и прошёл в спальню, минуя большой зал в центре башни. Поперечная стена делила объём замка надвое, толстая в цокольном этаже, здесь она переходила в арку, дабы облегчить здание и расширить главный зал. Небольшие частные помещения устроили непосредственно во внешней стене, среди них была и спальня герцога. Здесь хозяйина ждали наполненная горячей водой ванна, просушенные полотенца и чистое бельё. Уютно потрескивали дрова в камине. На столе красовались вино, фрукты.

– Скоро принесут горячее! – сообщил старик.

– Ты меня поразил сегодня!

– Шугэ подробно всё объяснил, когда уезжал, я даже записал для памяти, ваша светлость!

– Иди! Иди-иди, я справлюсь.

Старик ушёл. Он не мешал, просто всё и так было слишком хорошо. Пусть отдохнёт от непривычной суеты. Громм принялся расстёгивать многочисленные крючки и пуговицы, опять вспомнил Шугэ. Где он там пропал? Хотя, если нашли тело мальчика, то копать могилу

в каменистой земле не так просто, до вечера провозятся. А похоронить надо, нельзя хищникам лакомиться человечинной.

Вопреки ожиданиям, Шугэ недолго отсутствовал. Ещё лёжа в тёплой ванне, Громм услышал знакомый стук в дверь, будто кто-то робко скребётся.

– Заходи, поможешь мне!

Слуга шустро подскочил, прихватив по дороге полотенце. Вид у Шугэ был взбудораженный. Можно было подумать, что его минуту назад выдернули из потасовки в придорожной таверне. Громм, принимая помощь, заметил смятение на простоватом лице, но ничего не сказал. Парень, подавая и застёгивая одежду, шевелил губами, не издавая при этом ни звука, упорно отводил глаза, краснел и отдувался. Вот уже господин одет, сел за стол, съел зажаренную баранью ногу, откинулся на высокую спинку стула, принял наполненный Шугэ бокал. Слуге пора уходить. Тот, помявшись, всё-таки заговорил:

– Простите мою дерзость...

– Что такое?

– Этот мальчик... Его спасли ветви, они смягчили падение, да и летела птица невысоко.

– Жив? – удивился Громм. – Пусть найдут его родных.

– Он шибко разбился, нужен лекарь...

– Чего ты хочешь? – Взгляд серых глаз не сулил болтуну ничего хорошего.

– Простите, ваша светлость, я только... Простите! – Шугэ попятился.

– Говори же!

– Позвольте оставить пострадавшего в замке, мы с женой выходим его.

– Месяца хватит?

– Да! Благодарю, ваша светлость!

Слуга поспешил вон.

Эдуан тут же забыл и о мальчишке, чуть не ставшем добычей гигантского орлана, и о Шугэ. Потягивая вино, он размышлял об усилении дальних гарнизонов.

Охрану герцогства, а заодно и юго-западных границ королевства наладил ещё дед Громма, именно он выстроил дозорные башни вдоль границы. Тогда же закончили строительство родового замка. Дисциплина в армии герцогства всегда поддерживалась жесточайшая, но многие считали за благо поступить на службу Эдуанам ради безбедного существования близких. Обстановка на этом участке границы была спокойная. Те инородцы, кто по недомыслию совершали вылазки на земли славных герцогов, получали такую трёпку, что охота пропала надолго. Войско славилось дорогим вооружением и хорошей выучкой, командиры строгостью и справедливостью. Границу охраняли безупречно даже во время недолгих отлучек Громма.

Уезжать герцог не любил. Иногда дела требовали его присутствия в главном городе герцогства Эду или в столице королевства Колуи. Каждый приезд богатого красавца вызывал шторм в тихой заводи светской жизни столицы. На Громма сыпались приглашения на баллы и в уютные салоны. Каждый сколько-нибудь родовитый отец мечтал познакомить с завидным холостяком дочь, будь то засидевшаяся в девицах скучающая леди или едва переступившая порог отрочества и не отложившая в сторону кукол хохотушка. Герцог неохотно принимал приглашения и неизменно всех разочаровывал. Он отказывался танцевать, не желал слушать игру на клавикордах и пение взволнованных девушек, не делал комплиментов, а случайный взгляд его восхитительных глаз мог заморозить, лишив дара речи, кого угодно. Удивительно ли, что после таких визитов разозлённые родители и их униженные дочери принимались говорить о неприступном гордеце в самых неличеприятных выражениях.

Молодой Эдуан спешил вернуться в свой замок, задержать его не могли ни мольбы поклонниц его красоты, на просьбы матери, ни даже милости короля. Так он и жил воином-отшельником, не думая о женитьбе. Даже случайных связей не допускал, пленённые его

красотой дамы вызывали у него бескрайнюю скуку. Только в далёкой от пышности обстановке замка, среди величественной строгости гор, в окружении послушных его воле ратников Громм видел своё место.

Суровость нрава и неприветливость характера господина уравновешивалась разумностью требований и благородством сердца. Слуги и подчинённые боготворили его, хотя и боялись. За кружкой пива они нередко обсуждали судьбу господина, сокрушённо качая головами: найдётся ли женщина, которая преодолеет эту стужу?

2. Мать

Герцогиня Эмми Эдуан с дочерьми проживала в столице герцогства Эду. Двухэтажный дом положению семьи не соответствовал, её светлость мечтала переехать в столицу страны, где им принадлежал красивый, достойный самого короля дворец. Мешал этому желанному событию неприятный слух о единственном сыне Эмми Эдуан. Негодники болтали о болезни молодого герцога, наследственном недуге, называемом в народе ледяным сердцем. Как правило, мужчина с «ледяным» сердцем не женился. Кого-то вынуждали угрозами или подкупом взять жену, но детей в таком браке не бывало.

Слух этот угрожал будущему дочерей герцогини. Каждая из девочек по праву рождения и красоте могла стать женой самого принца! Из-за подозрения, что они передадут неизлечимую болезнь потомкам, обе останутся старыми девами.

О болезни ледяного сердца слышно давно. Два века назад, когда могущественные династии сражались за трон, прапрабабка нынешнего короля обратилась за помощью к ведьме, дабы известить род соперников. Леди едва не осталась голой, такую цену запросила колдунья. Говорят, ушла от неё будущая королева в деревянных башмаках, покрытая драным плащом поверх рубашки. В уплату за услугу она оставила не только кошель, но и карету, лошадей, драгоценности и богатый наряд.

Чары ведьма наложила, а вот как их снять, никому не сказала. С тех пор у женщин из проклятого рода сыновья страдали ледяным сердцем. Проследить пути болезни непросто. Проклятая первой девица родила семь дочерей, и они, когда выросли, рожали дочерей, поэтому носительницы проклятья оказались во многих ветвях аристократических фамилий.

Опасения герцогини не были пустыми. Младший брат Эмми страдал ледяным сердцем. Не бывать девушке герцогиней Эдуан, узнай тогда будущий муж о грозящей его наследнику опасности! К счастью, в семье Горроу был старший сын, способный продолжить род, поэтому больного не пощадили. Купленные лжецы распространяли молву о юноше, как о легкомысленном и ветреном повесе, не пропускающем ни одной милой мордашки. В обществе с удовольствием обсуждали подробности его походов. Имена покорённых дам произносили будто бы под строжайшим секретом. Так и погиб виконт на одном из многочисленных поединков, приняв вызов мужа оклеветанной особы.

Герцогиня не могла поступить похожим образом с единственным сыном. Кто унаследует имущество Эдуанов? Ни у неё, ни у дочерей нет прав на него. Отчаявшаяся женщина металась по дому, как загнанная за флажки волчица. Тщательно скрываемая тайна мучила, просилась на волю, с каждым днём было всё тяжелее держать её в себе. На людях, при дочерях и слугах удавалось сохранять непроницаемое выражение лица, но оставшись одна, герцогиня заламывала руки до хруста в суставах и посылала мольбы небесам. Куда обратиться за поддержкой, не давая лишнего подтверждения слухам? Семейный секрет в любое мгновение мог стать деликатной новостью.

Больше семи лет прошло с тех пор, как тёмные усики пробились на губе Громма и любящая мать приступила к поискам невесты. Сын выслушивал каждое новое предложение, блуждая бесцветным взглядом по стенам, потолку, мебели. Как эти неприятные сцены походили на те, что Эмми видела в детстве! Герцогиня отступалась сразу: пусть эта девица не по вкусу, найдём другую, лишь бы Громм не объявил, что не хочет обзаводиться семьёй вообще. Она хорошо помнила, как сказал когда-то бедный младший брат: «Я не намерен ломать комедию, отец! Оставьте ваши потешные попытки пристегнуть меня к женской юбке!» Этим ледяной виконт обрекал себя на смерть, ничуть не беспокоясь об этом. Ради судьбы дочерей им пожертвовали. Но у отца был ещё один сын Грэг, женатый и даже родивший к тому времени первенца.

«Грэг! Вот кто может помочь!» – поймала спасительную мысль герцогиня. Вскоре она отправилась в столицу королевства, просить совета у своего старшего брата графа Грэга Горроу. Дочерей пришлось оставить в Эду, девочек не стоило посвящать в подробности семейных тайн. Лирра и Ланна страстно желали попасть в Колуи, ни мольбы, ни слёзы не помогли, мать приехала одна.

Здесь в одном из лучших дворцов граф Горроу посетил Эмми Эдуан. Они уединились в кабинете покойного супруга герцогини. В мрачноватой обстановке среди стеллажей тёмного дерева, завешанных картами стен женщина поделилась опасениями, всплакнула на мужском плече и наконец умолкла.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Грэг.

Он, не переставая, тёр виски, глядел в пол, пряча взгляд от сестры.

– Никому не могу доверять! Где искать помощи? – губы Эмми подрагивали, она едва сдерживалась, чтоб не схватить Грэга за плечи и не развернуть его к себе лицом. – Неужели ты оставишь меня наедине с этой ужасной бедой?

Граф помолчал, делая вид, что изучает корешки книг на стеллажах, потом обернулся:

– Это некоторым образом бросает тень и на моих девочек. У них тоже будут сыновья и дочери... Вероятно, в свете примут ледяное сердце за проклятье Эдуанов, а не Горроу, но могут вспомнить, что ты моя сестра.

Грэг, не зная, как действует проклятье, ошибочно полагал, что мог передать болезнь дочерям, а через них – внукам.

– Твои замужем! Мои – нет! Случись что с Громмом, мы останемся без средств! – женщина потрясала кулаками, угрожая самому небу.

– Ну-ну! Я вас не брошу, позабочусь о тебе и племянницах. Правда, моё имение по сравнению с наследством герцога – жалкие крохи.

– Спасибо, Грэг, за твои благородные намерения, но я хочу остаться герцогиней, чтобы девочки сделали хорошую партию, сын женился и стал отцом... – она не закончила фразу, расплакалась.

– Послушай меня, Эмми!

Граф усадил её в кресло, подал платок и, когда сестра промокнула слёзы, продолжил:

– Есть средство. Отец в надежде спасти нашего брата обращался к одному, как бы это сказать, учёному. Хотя, болтают, тот был настоящим колдуном, за что и поплатился.

– О боже! Отец обращался к чародею?

– Предпочту называть его профессором. Он с успехом занимался наследственными болезнями. Не знаю, кому и чем волшебник насолил, королю донесли о странных опытах с оживлением убитых крыс...

– Фу! Грэг, прошу, без подробностей!

– Наш отец тайно посетил этого книжного червя в изгнании и получил у него шкатулку.

– Шкатулку?

– Чудесную. Говорил: если брат откроет её, то без памяти влюбится в первую женщину, которую увидит!

– Влюбится? Это возможно?

– Мы не успели проверить. Опоздали. Брата убил разгневанный барон!

– Барон Данетц, – вспомнила Эмми.

– Шкатулка хранилась у меня все эти годы. Сберёг, ведь и у меня рос сын. С ним, слава богу, всё в порядке! Не пришлось пользоваться неведомым средством.

Горроу на миг запнулся.

– Что за подозрение во взгляде, сестрица?

– Так...

Эмми прищурилась невольно, у неё перед глазами всплыл случайно подслушанный ещё в юности спор отца с Грэгом. Отец кричал, что на его совести смерть младшего брата. Теперь, когда герцогине стало известно о волшебной шкатулке, которую старший брат «не успел» передать, выяснились мотивы этой нерасторопности: отцовским наследством не пришлось делиться.

– Неужели ты думаешь, что я специально медлил, чтобы наш красавчик погиб?

– Ничего не думаю, Грэг! Я была слишком молода и...

– Бестолкова. Если б я тогда отдал брату шкатулку, твоему Громму не на что было надеяться. Вряд ли опальный волшебник жив...

– Грэг! У меня и в мыслях не было!

– Неважно. Пойми, виконт Горроу гордился славой первого сердцеда и дуэлянта. Его кипучая энергия и страсть нуждалась в битвах, только в них он находил наслаждение!

Граф в сердцах сломал деревянную указку, которую до этого безотчётно вытянул из чехла рядом с картой герцогства. Бросил обломки на стол и продолжил, стараясь взять шуточный тон:

– Пустоголовые дамочки как одна были влюблены в него и даже ревновали к слухам о мнимых похождениях. Ведь он был красив! Красив, как твой Громм.

– Да. Мой мальчик похож на дядю.

Сестра вздрогнула, когда Грэг очень громко и резко рассмеялся.

– Наверное, ледяное сердце наследуют красавцы, – пояснил он своё неожиданное веселье, – а моя глупая жена ещё расстраивалась, что наш сын не так хорош, как двоюродный брат.

Собеседники помолчали, разглядывая портрет супруга и сына Эмми, где Громм изображён ещё отроком. Картину в своё время заказали знаменитому живописцу, который работал по большей части с особами королевской фамилии, и заплатили за неё баснословную сумму. Полотно было предметом гордости герцогини и бросалось в глаза из любой точки кабинета. Сейчас портрет казался несчастной матери укором в том обмане, которому она была причиной.

– Хорошо, что супруг не дожил, – всхлипнула герцогиня, – он не простил бы Горроу.

– Не волнуйся, дорогая, всё устроится. Пиши письмо Громму. Убеди его принять лекарство. И я напишу, разьясню особенности. Завтра отправлю надёжного человека в Эдунский замок, при нём будет шкатулка и моё письмо, за твоим посланием он заедет к тебе. Постарайся к утру закончить. Всё, мне пора!

Граф подошёл к двери и резко открыл.

– А это кто здесь?

В проходе стояла рыжеволосая горничная с подносом в руках. Она присела в реверансе и потупила взор.

– Принесла чай госпоже и гостю, милорд, – с дрожью в голосе сказала девица и перешагнула порог, боясь поднять глаза.

Грэг Горроу взял с подноса чашку, наполнил её из чайничка, сделал глоток и поморщился.

– Остыл! – он поставил чашку обратно. – Зачем ты, негодница, холодный чай несла?

– Простите! – служанка попятилась и бросилась вон.

– Ну и слуги у тебя! – пожал плечами граф и скорчил брезгливую гримасу.

– Эта новенькая. Я здесь всего два дня, не могла же я везти с собой всю прислугу!

– Ладно, – Грэг остановил поток оправданий, показав сестре открытую ладонь. – Прощай, дорогая. Помни, к утру письмо Громму должно быть готово. Поторопись!

Проводив брата, Эмми Эдуан подошла к стене, на которой висел портрет мужа и сына. Постояла, разглядывая картину, тронула пальчиком изображение тёмно-русых кудрей юного Громма, подавила желание поцеловать их, вздохнула и пошла к письменному столу.

3. Барон

Барон Данетц, о котором вспоминали сегодня граф Горроу и герцогиня Эдуан, уже готовился ко сну, когда ему доложили о визите незнакомки. Слуга принёс барону перстень-пароль. Пришла шпионка, которую Данетц внедрил во дворец Эдуанов. Шагнувший за порог зрелости мужчина надел синий расшитый шёлком халат поверх ночной рубахи, в которую уже успел облачиться, уселся за стол и велел позвать «даму». Перстень он положил перед собой.

Вскоре в кабинет вошла та самая рыженькая горничная, что подавала остывший чай герцогине Эдуан во время беседы хозяйки с гостем. Девушка замялась у двери, потом заметила ценную безделушку, кинулась к столу и схватила её. Барон усмехнулся:

– Если ты сообщишь что-то стоящее, я щедро заплачу.

– Я слышала их разговор! Госпожи с её братом. Они обсуждали тайну семьи Горроу.

– Какую ещё тайну? – напрягся Данетц.

Девушка облизала пересохшие губы, приосанилась и объявила:

– Болезнь! Наследственная! Ледяное...

– Сердце, – простонал мужчина, – она говорила правду! Я осёл.

Шпионка испуганно расширила глаза, не зная, продолжать ли рассказ. Барон встал, зашёл за ширму и вернулся со стаканчиком крепкого напитка. Залпом выпил, постоял и кивнул, ожидая услышать ещё что-то полезное для себя. Новая горничная герцогини Эдуан рассказала всё, что слышала, стоя с остывающим чаем. Девчонка заслужила вознаграждение! Получив свою монету, рыжеволосая простушка раскраснелась и чуть не бросилась целовать руки благодетеля, но тот указал ей на дверь, хотел обмозговать новость без помех.

Вот он! Час мести. Барон не уснул этой ночью, размышляя. Времени не так много, надо всё делать быстро. Годами он подкрадывался к Горроу и не мог найти уязвимое место. Даже смерть молодого виконта, заколотого Данетцем, не слишком огорчила это семейство. Новый удар они так легко не снесут! Ледяной красавчик Громм умрёт, а его наследство достанется племяннице барона. Он, Данетц, будет управлять землями герцога, а Эмми с дочками пусть отправляется под крылышко Грэга!

Племянница барона Данетца Луззи осталась сиротой в десятилетнем возрасте. На карету Стоунов напали разбойники. Ограбили, убили родителей девочки и прислугу. Луззи по какой-то причине пожалели, даже не сняли ценный медальон с её шейки. Быть может, испуганный взгляд голубых глаз смягчил бандитов, но маленькая Стоун осталась в живых одна из всей семьи, долго скиталась, пока не нашла дядю Данетца, который признал в ней дочь своей сестры по фамильному медальону. Барон вдовствовал, он отдал девочку в пансион при монастыре, куда ежегодно перечислял положенные на содержание воспитанницы средства. Достигнув совершеннолетия, Луззи Стоун переехала в дом Данетца, где поселилась в ожидании замужества. Ей приходилось полностью полагаться на волю дядюшки, других родственников и собственных средств у неё не было.

Наутро после бессонной ночи барон вызвал девушку к себе в кабинет.

– Твоя судьба решена, Луззи, – сказал он в ответ на приветствие, – ты станешь герцогиней Эдуан.

– Вы о Громме Эдуане, дядя? – смутилась будущая невеста.

– Он тебе не нравится?

– Как такое возможно! Молодей герцог нравится всем. Боюсь, я среди его поклонниц не лучшая.

– Ты не поклонница, Луззи! Ты его избранница. Безусловно, станешь ею!

Девушка натянуто улыбалась, глядя на барона. Она не верила своему «счастью». Лиззи не раз слышала душераздирающие истории о том, как Эдуан своей холодностью доводил

до обморока влюблённых девиц, как оставлял без внимания просьбы собственной матери, желающей познакомить его с той или другой достойной барышней. Предположить, что этот бездушный красавец обратит благосклонное внимание на девушку, не обладающую особыми достоинствами, было бы слишком легкомысленно. Луззи считала себя если не дурнушкой, то невзрачной серой мышкой, да ещё с дефектом на лице – пигментным пятном бледно-коричневого цвета, которое она трогала пальчиком в минуты волнения.

Данетц не заметил ни ироничного выражения лица племянницы, ни её тона. Он уверенным жестом протянул ей пакет:

– Вот письмо, прочтёшь в дороге. Запомни всё до последней буквы и уничтожь.

– Мы едем к Эдуанам?

– Ты едешь. Верные мне люди будут сопровождать тебя, я им всё объяснил. Представьшься беглянкой. Моё имя не произносить! Опекун якобы хочет насильно отдать тебя замуж за старика, ты ищешь помощи у герцога. Уверен, его благородная душа снизойдёт до того, чтобы предложить убежище несчастной леди.

– Одно дело дать убежище, другое – жениться. Громм ни одну женщину и взглядом не удостоивал. Девочки рассказывали...

Барон прервал племянницу, приподняв двумя пальцами её подбородок. Луззи пришлось встать на цыпочки.

– Это болезнь. Ледяное сердце. Не думай о пустяках. Прочтёшь письмо и сделаешь всё, как там указано! Доверься мне. Ты станешь герцогиней Эдуан, твой сын – герцогом. Я, пока наследник мал, буду помогать тебе.

– Дядя! – сердце девушке участило удары, тон Данетца напугал её. – Я слышала, что мужчины с такой болезнью даже если и женятся, детей не имеют.

– Кто сказал, что это будет ребёнок Громма? Мы найдём подходящего младенца, тебе и рожать не придётся.

– Но герцог не согласится!

– К тому времени ты станешь вдовой.

– Вдовой? А родные? – Луззи не скрывала слёз.

– Я всё продумал, девочка. Мы воспитаем достойного потомка рода Эдуанов, не отягощённого наследственностью Горроу! Иди! Пора в путь!

– Милорд, мне трудно понять вас. Возможно, я увижу в письме объяснения столь жестокого намерения в отношении герцога...

– Хочешь знать причины? Слушай, – Данетц повернулся спиной к племяннице и встал у окна.

Несколько мгновений было тихо, только муха жужжала и билась о стекло, наводя на Луззи тоску этим безнадежным стремлением улететь. Девушка уже хотела выйти из комнаты, неправильно истолковав дядино молчание, но он заговорил:

– Она была ангелом, моя милая юная жена. Умоляла не верить сплетням. Клялась, что ни одного взгляда не дарила молодому Горроу. Ни ему, ни кому-либо другому.

Плечи барона дрожали, Луззи показалось, что он плачет, но голос оставался твёрдым:

– Я кидался на каждого, кто шептал за моей спиной! Пятерым сплетникам укоротил их поганые языки, но не верил ей. Моей обожаемой Ласточке. Этот красавчик смеялся мне в лицо, когда я убивал его... Не признался, что их связи не могло быть.

Данетц стукнул кулаком по стене, наклонил голову и чуть тише продолжил:

– Горроу хотели слухов о похождениях виконта, чтобы скрыть правду, проклятье семьи – ледяное сердце. Иначе милые сестрицы больного остались бы в девках! На них проклятье. Проклятье! – он как будто заговаривался. – Это они скрыли. Эмми Горроу заполучила герцога Эдуана, а моя невинная супруга выпила яд, страдая от презрения гордого, глупого мужа. Она

погибла, и ребёнок не увидел жизни. Почему она сделала это? Боялась, что я не поверю в своё отцовство?

Луззи, опустив голову, пошла к двери.

– Да! Вот ещё что! – остановил её властный голос. – Помни! Если не справишься, я лишу тебя опеки. Ни за кого другого замуж тебе не выйти, приданого не увидишь!

Девушка оглянулась, сверкнув льдинками глаз:

– Надеюсь, вы не поручите мне собственноручно убивать мужа?

Она вышла, не дожидаясь ответа. Барон смеялся.

Этот смех, жёсткий, как скрежет осыпающихся со скалы камней, долго стоял в ушах леди Стоун. В дороге она не сразу вскрыла конверт, ей всё чудился смех дяди, казалось, он опять зазвучит, едва покажутся выведенные его рукой буквы.

Неужели красавец герцог болен? Эдуан до сих пор ни с кем не помолвлен, так что предположения возникли не на пустом месте, но ведь он ещё молод. Луззи хотела думать, что слухи неверны, отвергнутые невесты распространяют их со злости.

Девушка вспомнила, как одна из воспитательниц приюта рассказала о проклятье ледяного сердца. Говорила она таинственно, шёпотом, поминутно прикладывая палец к губам и округляя глаза. Юные слушательницы нисколько не сомневались в правдивости каждого слова, отчего сердца их трепетали осиновыми листочками. Легенда эта вспомнилась в мельчайших подробностях, как будто Луззи внимала ей накануне перед сном.

Давным-давно это случилось. Наследник королевского трона выбирал себе невесту. Главных претенденток две – красивые образованные дочери влиятельных аристократов. Отцу одной из них, к слову сказать, прапрабабки нынешнего короля, кто-то подкупленный из дворцовой прислуги донёс, что принц намерен выбрать соперницу. На несколько дней огорчённая девушка исчезла из Колуи, в свете шептались, что леди покончила с собой. Как и когда она вернулась, никто не заметил, но незадолго до этого во дворец примчалась карета с гербом её отца. В карете той, поговаривали, сидела ведьма из-за дальних гор. Что привело изгнанницу в августейшее семейство? Народ судачил на всех углах, аристократы не брезговали молвой, надеясь разузнать подробности. Ненадолго задержалась ведьма в столице, в тот же день отправилась за свои горы. Однако визит её повлиял на выбор принца.

Не скоро нашлось объяснение. Только самые близкие вельможи знали причину. Ведьма поведала королю о проклятье ледяного сердца: та девушка, которую хотел взять в жёны наследник, не сможет родить мальчика, королевский род пресечется. Рисковать не стали, принц женился на другой. Однако отвергнутая невеста вскоре вышла замуж и благополучно родила сына. Принц негодовал, его обманули, как последнего простака! Молодой жене, родившей к тому времени девочку, пришлось пережить неприятные годы, только родив ему сына, она вновь стала желанной и любимой. А спустя двадцать лет король убедился, что угрозы ведьмы не были пустыми.

– Как?

– Почему?

– Как он понял это? – расспрашивали любопытные девочки воспитательницу.

– Об этом вам ещё рано знать, – сердито говорила та, – не просите, не скажу. Да только род того вельможи, что женился на бывшей невесте короля, прекратился на его сыне. На бедную женщину наложили проклятье ледяного сердца, и она передала его своим семи дочерям, а те своим.

– Почему эта колдунья такая злая? Зачем было проклинать весь род! – гневно возмутилась подруга Луззи.

– Говорили, ведьма и сама была не из простых. Спустя почти два века разве узнаешь, что да как.

Леди Стоун вернул к действительности голос её служанки:

– Госпожа! Вы закатали слезами весь конверт. Бумага вот-вот насквозь промокнет.

– Спасибо, Далле, – Луззи вытерла лицо поданным платком и распечатала письмо. Надо прочесть, дядя велел выучить наизусть; если она продолжит вспоминать детство, доберётся до замка, так и не запомнив указаний опекуна.

4. Крепость

Целый день герцог Эдуан посвятил главной башне замка. Пусть вероятность осады мала, но исключать её нельзя, поэтому молодой господин не ленился устраивать проверки. Он помнил то время, когда замок осаждали в последний раз. Это случилось пятнадцать лет назад. Семилетний маркиз рвался из покоев матери, где его заперли. Он страстно хотел подняться на стены, увидеть врагов, пускать в них стрелы, сбрасывать камни. Напуганная Эмми едва не связала Громма. Она уговаривала, плакала, повышала голос до крика, в конце концов через прислугу обратилась за помощью к мужу. Тот выбрал время, чтобы забежать на жилой этаж башни и, обняв сына, поручил ему оберегать маму, защищать подступы к её комнатам ценой своей мальчишеской жизни.

– Враги могут ворваться в башню? – изумился Громм.

– Только в случае предательства, – ответил отец, – тогда мы будем биться за каждую ступеньку лестницы.

– Надеюсь, этого не случится, – проговорила Эмми, успокаивая сына.

– Я хочу увидеть битву, – ответил ей мальчик.

– Запомни хорошенько, мой отважный маркиз, – строго сказал герцог Эдуан, – твоя лучшая битва та, которую ты смог предотвратить!

На помощь крепости Эдуанов пришли королевские войска, и враги отступили с большими потерями. Будущий герцог довольствовался тем, что видел из главной башни: сначала людские волны накатывали на крепостные стены, а потом отхлынули от них.

Слова отца он запомнил хорошо. Приняв после смерти родителя ответственность за герцогство, границу и крепость, его светлость старался не упускать из виду того, что может потребоваться осаждённым. Военная роль замка – оборонительная, в этом неприступном гнезде за прочными толстыми стенами даже небольшой гарнизон продержится столько, сколько позволят запасы провианта.

Получив от предков самый укреплённый замок королевства, Громм Эдуан страстно желал сохранить его оборонную способность. Надёжные стены – это ещё не всё, нужна преданность гарнизона. Герцог помнил предупреждение отца: крепость не уберёжёт от предательства. Заподозренных в ненадёжности Эдуан отстранял от службы. Проверки, которые устраивал герцог, наводили ужас на ратников: хотя герцог не слишком строго наказывал провинившихся, все боялись потерять его доверие и лишиться хорошего места.

Особенного внимания требовали кладовые и погреба. Эдуан лично посещал первый этаж главной башни, где находились склады съестных припасов, там же был арсенал – оружие и военное снаряжение. Помещения стражи, кухни и жилые комнаты для командиров замкового гарнизона располагались выше. Покои самого герцога, его семьи и свиты на верхнем этаже. В сопровождении стольника и закупщика провизии Громм Эдуан внимательно осмотрел кладовые. Он с удовольствием отметил изобилие запасов, сказал слугам обычные слова о необходимости поддерживать порядок и, провожаемый вздохами облегчения, поднялся на третий этаж.

Лето только вступало в свою силу, толстые каменные стены ещё не раскалились, в покоях герцога сохранялась прохлада, иногда Шугэ растапливал камин. Сейчас в кабинете было не слишком холодно, хотя унылая обстановка скорее напоминала зимний вечер, чем летний солнечный день. Солнечные лучи, падающие из высокого, но узкого окна на письменный стол, только усиливали контраст между затенёнными и освещёнными частями помещения. Впрочем, для работы эта атмосфера подходила как нельзя лучше – Эдуан не любил излишеств.

В своём кабинете герцог изучал отчёты о закупках продовольствия, о ценах на муку, крупу, специи, когда камердинер доложил о прибытии посыльного из Коуи от матери. «Опять

зовёт в столицу! – сердился своему предположению Громм. – Будет сватать мне преглупых девиц!» Вошёл незнакомый человек, положил перед его светлостью свёрток и, кланяясь, удалился. Это показалось странным, обычно посыльные спрашивали дозволения дождаться ответа. Эдуан развернул грубую бумагу, обнаружил два письма и шкатулку, перевязанную жёлтой шёлковой лентой. Письма от матери и дяди. Первым вскрыл конверт герцогини, не надеясь найти в письме что-то новое, читал невнимательно, строя догадки о том, что же понадобится от него графу Горроу. Герцогиня на этот раз обращалась с необычной просьбой, Громм даже усомнился в здравомыслии матушки. Призывы сжалиться над ней и сёстрами перемежались просьбами выбрать достойную невесту и открыть шкатулку. Тут же говорилось о необходимости иметь наследника, опасности преждевременной смерти любимого сына и оставлении матери в нищете.

Эдуан забыл о письме дяди и взял шкатулку. Странно, мать придаёт ей мистическое значение. Что там может быть? Обручальные кольца? Молодой человек разрезал ленты, открыл крышку. Комната наполнилась дивным ароматом. Что-то знакомое и вместе с тем удивительное. Откинувшись на спинку стула, Громм наслаждался запахом и приятным ощущением восторга, окрылённости, чего-то неземного и бесконечно прекрасного. Как хорошо! Как прекрасна жизнь! Вот бы совершить геройский поступок, наделить всех бесценными сокровищами, отправиться в путешествие...

В дверь скребётся Шугэ. Добрый слуга! Надо подарить ему коня!

– Зайди! Заходи, чего медлишь?

Приветливый голос господина удивил парня, он замялся на входе.

– Как поживает твоя жёнушка? Давно я не видел её.

– Слава богу, здравствует, – Шугэ насторожила мягкость обычно сухого тона господина, он не сразу отважился на просьбу, – если помните орлана, ваша милость, которого вы изволили сразить.

– А! Помню! Там парнишка упал, и ты взялся его выхаживать! Как он?

– Обошлось! Теперь мечтает поблагодарить вашу светлость за спасение.

– Мальчишка? Он здесь? Пусть заходит.

Шугэ выскользнул, его сменил шуплый подросток. Мальчик говорил о доброте герцога, о том, как сердце спасённого переполнено благодарностью, ещё что-то. Какой прекрасный образ! Громм любовался необычно красивым лицом, шевелением маковых губ, блеском ясных тёмно-серых глаз. Какой нежный голос! Он чарует, он манит! Герцог испытывал негу, слабость во всём теле, его неодолимо тянуло к этому человеку. Что за напасть!

– Ты возвращаешься к родным в деревню? – скрипуче произнёс Громм, силясь подавить разрастающееся в сердце благодное ощущение.

– Я сирота. Меня растила мачеха, но жизнь с ней стала нестерпима, я буду менестрелем. Теперь моя судьба – дорога, а приют под кронами деревьев.

Бедняжка! Один среди жестоких, злобных людей. Нежность охватила всё существо и мешала дышать.

– Хорошо поёшь? Спой мне.

Мальчик снял с плеча ремень лютни, обхватил тонкими пальцами гриф и заиграл. Каждое его движение волновало, Громм до боли в суставах вцепился в стул, на котором сидел. Звучала песня. Незамысловатая нежная мелодия будоражила воображение, простые слова о любви и верности влекли слушателя к певцу с нарастающей силой.

– Уходи, – простонал герцог и вдруг вскричал, как раненый зверь, – вон! Вон отсюда!

Мальчик прервал песню, с достоинством поклонился и вышел. Дивный, чарующий голос ещё будто звучал в комнате:

– Прощайте, ваша светлость, я буду молиться о вас, пока дышу.

Дверь за странным посетителем закрылась, время шло, но Громм всем телом ощущал незримое присутствие мальчишки. Как такое могло произойти с неприступным для любовных чар герцогом Эдуаном! Где его самообладание и здравый смысл? Постепенно чувство необъяснимого счастья и влечения сменилось щемящей тоской. Зачем он выгнал менестреля! Пусть бы жил в замке, развлекал дивным пением хозяина и гостей... Да! Надо вернуть мальчишку.

– Шугэ!

Герцог в нетерпении шагнул к выходу, чтобы поторопить слугу, тот мешкал. Наверное, пошёл провожать своего подопечного. Раскрыв дверь, Эдуан убедился, что слуги нет поблизости, и, справляясь с желанием бежать следом, заставил себя вернуться за стол. Бессмысленно перебирая бумаги, он наткнулся на письмо Грэга Горроу, вскрыл конверт и принялся за чтение. Блуждающие в туманной дали мысли собрал не сразу. Однако дядино послание вернуло племянника к действительности. Граф подробно объяснил, как надо обращаться с присланной колдовской шкатулкой. Оказывается, это вовсе не подарок матушки! Всего лишь бережно хранимое долгие годы лекарство от ледяного сердца. Дядя настойчиво просил Громма, прислушиваясь к доводам разума или советам близких людей, выбрать себе невесту, затем в её присутствии раскрыть шкатулку. В ней лекарство, оно действует мгновенно: предметом обожания станет та, кого молодой человек увидит первой.

Взгляд Громма упал на раскрытую перед ним шкатулку. Так вот в чём дело! Мать подбросила эту гадость, чтобы он потерял рассудок и женился. Зачаровали! Разума лишили!

– Вы звали меня, ваша светлость? – скользнул в кабинет слуга.

– Нет. Уходи, – Эдуан захлопнул шкатулку. – Постой! Ничего не чувствуешь?

Шугэ растерянно хлопал глазами.

– Не молчи! Ты слышишь необычный... Говори!

– Райский аромат, ваша светлость. Это духи?

– Кроме аромата, ещё что-нибудь?

– Не понимаю, простите. Музыка слышится будто... – осмелился предположить слуга. –

О чём вы спросили?

– Любовь... счастье?

Шугэ смутился:

– Право не знаю, что сказать, господин. Жену люблю, уж года три. Дитя она ждёт, так и счастлив, чего говорить...

– Ладно. Иди!

Шугэ удалился, недоумённо поглядывая на господина. Эдуан повертел шкатулку в руках. Долго это будет действовать? Эмоции улеглись, но как после грозы остаётся чистота, свежесть, запах озона, так и теперь Громм ощущал обновление и ясность. Предположив, что причина охвативших его ярких чувств находится в шкатулке, его светлость развеселился. Милая матушка хотела, чтобы он потерял голову от хорошенькой барышни, а подвернулся крестьянский мальчишка, едва не ставший добычей орлана!

5. Сирота

Милтина родилась в семье главного лесничего. В лесах герцогства Эдуан водились лоси, медведи, кабаны, множество мелкой дичи. Охотиться здесь любил сам король. На должность главного лесничего желающих было много, ведь платил герцог щедро. Работы тоже хватало. Отец Милтины – потомок обедневшего дворянского рода. Он стремился сюда не только из отвращения к праздной жизни и бессмысленному существованию молодых искателей богатых невест. Юноша горячо любил дочь священника и вопреки воле родителей женился на ней. Молодым отказали даже в том скудном содержании, которое эсквайр Грэг Уэсли имел до свадьбы. Должность в лесах герцога Эдуана оказалась везением. Новоиспечённая семья быстро обзавелась хозяйством в добротном доме среди живописной природы. Молодожёны чувствовали себя необычайно счастливыми, не зависящими ни от родни, ни от условностей света, ни от кого бы то ни было. На пятый год Бог подарил им дочь.

В доме на опушке леса вдали от деревень проходило раннее детство Милтины. Мать она не помнила, та скончалась после рождения дочурки. Отец женился вскоре после смерти её матушки – работы в лесу много, смотреть за дочкой и хозяйством некогда. Мачеха оказалась женщиной властной, расторопной. Она с удовольствием руководила тремя работниками лесничего и сама дел не чуралась. Крепкое хозяйство процветало, в доме всегда был достаток.

К падчерице женщина относилась хорошо, но мамой не позволяла себя называть. Бледненькая сероглазая девчушка совсем на неё не походила, женщина хотела иметь родных – румяных кареглазых крепышей. Годы шли, Бог детей не давал. Тоненькая падчерица росла, всё больше напоминая родную мать. Вместе с ней росло неудовольствие лесничихи, будто Милтина виновна в бесплодии мачехи. Это неудовольствие превратилось в ненависть, когда погиб отец девочки. Дочке в ту пору исполнилось двенадцать лет. На ребёнка по милости герцога было выделено содержание, которое мачеха прибрала к рукам. Дом в лесу пришлось освободить для семьи нового лесничего. Хорошо ещё, вдова умудрилась вовремя перегнать корову и лошадь в родную деревню. Прихватила также курочек, припасов кое-каких, что на телеге уместились.

Родители встретили овдовевшую дочь холодно, что уж говорить о чужой девчонке! Падчерица трудилась целыми днями. Мачеха и её родня наперебой давали Милтине поручения, не соображаясь ни с её юностью, ни со здоровьем. Называли девочку лишним ртом, нахлебницей, приживалкой, не признавая, что она отрабатывает свой кусок хлеба с лихвой. Досыта не кормили, обеды она даже в мечтах не смела просить. Купленная ещё отцом одежда вскоре изнасилась, тогда в ход пошли добытые из сундуков штаны и рубахи братьев мачехи – работать в мужской одежде было удобнее. По воскресеньям Милтине позволяли надевать старые юбки и кофточки хозяйки из тех же сундуков – в праздничные дни девушка пела в церковном хоре соседнего села. В храме девочка забывала о горестях теперешнего положения, отдыхала душой и телом, измученным непосильной работой.

Мягкий низкий голос Милтины необычно красивого тембра добавлял красок общему звучанию хора. Прихожане полюбили новую певчую. Воскресные службы напоминали дочери лесничего о далёких днях счастливого детства, об отце, обучавшем её игре на лютне и пению. Положенная клиру воскресная трапеза поддерживала сироту, не давала умереть от истощения. Здесь-то на четвёртый год жизни в деревне заметили Милтину женихи. Потянулись в дом мачехи сваты. Первым отказали наотрез: девица годами мала, здоровьем слаба, разумом незрела, приданого за ней нет. Но идут и вторые, и третьи! Опять родня приживалку отдавать не хочет, говорит, не раньше, чем через год – пусть окрепнет под материнским крылом.

Недоразумение обсуждали, не стесняясь Милтининых ушей. Изумлялись, что бесприданница нарахват. О любви и речи быть не может, кому эти кости нужны! Ясно, что хотят работницу в дом заполучить. Безответная, трудолюбивая – клад, а не жена! Однако и теперешние родственники не спешат расстаться с *лишним ртом*, только если им подарки богатые предложат.

Судили-рядили и сошлись вот на чём: мельник-то вдовый, как траур по жене выдержит, будет достойным женихом этому сокровищу!

Раньше Милтина ещё надеялась найти счастье в замужестве. Были в деревне парни добрые, приветливые, они восторженно поглядывали на сироту, сердце девушки млело от их взоров. За любым из этих молодцов можно прожить без горя. Но мельник! Громадного роста, силён как буйвол, грубый, громогласный. Жену поколачивал, побоями и свёл в могилу раньше срока. Ждала Милтину беспросветная жизнь. Затосковала она по свободе родного леса, потянуло её в дом, где росла – проситься в служанки к лесничему, лишь бы рядом с деревьями и зверушками оказаться, подальше от жадных жестоких людей. Одно спасение – побег.

Устроила дочь лесничего тайник в яме под корнями сосны на высоком берегу Эдулы. Как-то ночью перенесла туда отцовскую лютню, тайно добытые из сундука сапоги, сухари, флягу с водой, штаны и рубашку. В ближайшее воскресенье нелюбимая падчерица отправилась будто бы в храм, петь на службе, но свернула в проулок, вышла за околицу и побежала к реке. До вечера её не хватятся, за это время она уйдёт далеко.

У тайника Милтина переоделась, закинула на спину котомку с припасами и лютней и пошла берегом реки к лесу Эдуанов. Она спешила уйти как можно дальше, лишь раз остановилась поесть сухарей и напиться из родника. Ближе к вечеру путница увидела башни замка. Она замерла, залюбовалась ими и вдруг почувствовала порыв ветра. Резкая боль от впившихся в тело когтей гигантского орлана лишила девушку сознания.

Гигантский орлан несёт Милтину

Очнувшись, пострадавшая увидела незнакомых мужчин. Это были ратники герцога Эдуана и его слуга. Девушка хотела подняться, но движения причиняли боль.

– Я Милтина, дочь лесничего. Иду домой, – тихо проговорила она, настороженно глядя на незнакомцев. Девушка опасалась, что мужчинам не понравится неуважение, которое она невольно выказала.

– Ишь ты! Одедась-то, чисто парень! – удивился один из ратников.

– Куда ж тебе идти, болезная? Разбилась, изранена. Надо бы к лекарю, – рассуждал второй.

– Как ещё жива осталась, – качал головой Шугэ, – отнесём в замок, попрошу у господина разрешения подлечить её.

Милтина успокоилась: нет, её не осуждают, напротив, хотят помочь. Раненую бережно переложили на чей-то плащ. Четверо ратников, взялись за его концы и понесли девушку в крепость.

Герцог позволил Шугэ оставить пострадавшего в замке и оплатил услуги лекаря. Парень так и не отважился сообщить Эдуану, что орлан нёс девушку, а не мальчишку. Среди прислуги бытовало мнение о господине, как о редкостном женоненавистнике. В замке женщин мало, а девиц так и вообще нет.

К сироте за её недолгую жизнь не проявляли столько внимания и заботы. Жена Шугэ Золле относилась к ней, словно к родной сестрёнке. Молодой женщине было скучно за крепостными стенами, не с кем посудачить. Она рассказывала Милтине о себе, о господине, обитателях и работниках замка, интересовалась судьбой новой подружки. Печальная история дочери лесничего растрогала добрую женщину до слёз. Сочувствуя ей, она уговаривала мужа похлопотать: пусть девушке позволят поселиться в замке! Шугэ обещал, но разговор с герцогом откладывал до выздоровления Милтины, вдруг Эдуан рассердится и велит выгнать девчонку, а она ещё так слаба.

Золле кормила подопечную щедро и разнообразно, девушка похорошела, исчезла её подростковая угловатость и болезненная бледность. При хорошем уходе раны вскоре зажили. Милтина вызвалась помогать по хозяйству. Дел было не так много, как в деревне, но беременная Золле быстро утомлялась и от помощи не отказалась. Часто они вдвоём сидели за шитьём и разговаривали. Однажды от этой работы их отвлекли – чучельник привёз подстреленного герцогом орлана. Любопытные собрались на площади и разглядывали мёртвую птицу. Слышались разговоры:

- О! У нашего господина собственный орлан в доме, вот счастья-то привалит!
- Так герцогу и сейчас неплохо живётся!
- Да чего говорить! Всем нам теперь счастья будет вдоволь!

Протолкавшись сквозь толпу, Милтина с ужасом смотрела на когти, когда-то впившиеся в её тело, на готовый разодрать в клочья клюв, на стеклянные глаза, в которых таилась угроза. Вдруг в толпе зашикали. Люди расступились, давая дорогу герцогу. Оттащили и замешкавшуюся Милтину.

Девушка впервые увидела Громма Эдуана. Красота его казалась неземной. «Такими должны быть ангелы», – кричало всё её существо. Величественно пройдя мимо зевак, хозяин замка остановился около чучела и задумчиво разглядывал его. В надежде на богатое вознаграждение чучельник расписывал трудности работы с огромной птицей. Герцог кивнул, дал распоряжения о переносе орлана в зал охотничьих трофеев и оглядел столпившихся зевак. На мгновение взгляд его выхватил лицо Милтины. Так смотрят на котёнка или воробышка – на милое беззащитное существо. Девушка затрепетала, чувство благоговения захлестнуло её. Громм ушёл. Работники, гикая, подбадривая друг друга, потащили чучело в башню, толпа редела. Золле теребила подружку:

– Что застыла? Идём! – звонко хохоча, женщина обняла Милтину и повела её прочь. – Да ты влюбилась!

Нет, она не влюбилась. «Влюбилась» – так мелко! Восторг от случайно брошенного на неё взгляда, восхищение грацией и красотой мужчины – далёкого и недоступного, как молодой месяц, близкого и родного, как лес, где выросла Милтина.

Золле весело тормошила девушку, приводя её в чувство:

– Кто не влюблялся в красавца Эдуана! Пройдёт! Встретишь настоящего парня, оценишь живую ласку!

– Нет-нет, я не знаю... – беспомощно лепетала Милтина. – Он такой необыкновенный! Удивилась и всё!

– Удивилась она! – хитро подмигивала Золле. – Все знают, каков наш герцог! Гордый слишком, женщин не замечает. Каких невест ему не предлагали: знатные, богатые! Не смотрит даже. Так бобылём и останется! Слёзки? Да что ты, девочка! Выбрось из головы эту отраву!

Дочь лесничего кивала в ответ на уговоры доброй женщины. Всё правильно, ей и думать о герцоге грешно, но, стараясь погасить сжигающее сердце пламя, она осознавала, что не найдёт сил забыть искру невольного интереса во взгляде господина, его прекрасные глаза под нарисованными умелой кистью Создателя бровями!

Через два дня после этого случая Шугэ собрался говорить с Эдуаном о судьбе Милтины. Девушка хорошо справляется с работой швеи, возможно, герцог позволит ей жить в замке и обшивать ратников и слуг. Неожиданно для супругов подопечная воспротивилась – нет, она не останется здесь.

– Куда ты пойдёшь, дитя?! – Золле чуть не плакала от огорчения. – Оставайся с нами, разве мы с Шугэ обижали тебя?

Милтина и сама готова была разрыдаться, но не отказывалась от намерения покинуть замок.

– Где моя одежда?

– Ты пойдёшь в штанах, как парень? – возмутилась женщина. – Изволь! Вот! Я всё починила, выстирала. Не думала, что пригодится, а вот понадобилось.

– Спасибо, Золле, я не забуду твоей доброты, – девушка переделалась под пристальным взглядом хозяйки и, поцеловав её, сказала примирительно, – прости меня. Я не могу остаться рядом с ним. Моё сердце разрывается.

– Ты бежишь из-за герцога? Бедная девочка! Куда же теперь?

– Пойду по городам и сёлам. Буду петь. Я видела бродячих менестрелей, им хорошо подают. Вот только взглянуть бы ещё разок на господина.

– Идём! – Золле решительно потянула девушку за собой, – Шугэ попросит Эдуана выслушать тебя, поблагодаришь за приют.

Передав Милтину мужу и вкратце рассказав об их разговоре, женщина так разволновалась, что почувствовала себя дурно. Она поцеловала Милтину на прощанье и пошла к себе.

Зайдя в кабинет Громма, девушка, как замороженная, глядела на герцога. Она механично произносила заготовленные фразы, а душа её ликовала. Как он смотрит! Сколько нежности, восхищения во взгляде! Ещё миг, и она кинется к нему, обовьёт шею руками...

Эдуан просит спеть. Милтина запела, подыгрывая себе на лютне. Эту балладу она малышкой слушала, сидя на коленях у отца. Любимая песня мамы, как он говорил. Герцог взирал на певицу с обожанием, их души объединяло чувство восторга и трепета. Мгновения будто бы превратились в вечность... Что произошло? Эдуан выдохнул:

– Уходи!

Она ослышалась? Нет, он повторил:

– Вон! Вон отсюда!

Не чувствуя себя живой, девушка что-то сказала, поклонилась и вышла из комнаты. Шугэ едва успел подхватить её, не дав упасть на каменный пол. Преодолев лестницу с Милтиной на руках, слуга встретил камердинера герцога.

– Какая симпатичная ноша!

Старик потрепал Милтину по щеке. Девушка открыла глаза, высвободилась и ступила на землю.

– Так это добыча орлана! Поправилась? Куда теперь?

– В менестрели надумала, – ответил Шугэ и показал инструмент, который до сих пор держал в руке. Девушка взяла лютню и, ничего не объясняя, спрятала её в заплечный мешок.

– Будешь одна бродить по дорогам? – изумился камердинер. Смерив девушку изучающим взглядом, предложил: – Едем со мной в Эду, директор тамошнего театра мой должник. Попрошу его взять тебя в труппу. Танцевать умеешь?

Милтина пожала плечами. Шугэ заметил:

– Она шьёт неплохо.

– Ну не певицей, так костюмером пойдёшь, – засмеялся старик и крикнул своему служке, – вели седлать коня для моей спутницы!

Шугэ простился и поспешил наверх, ему крикнули, что господин зовёт. Старик, взяв Милтину под локоток, повёл её на площадь. Он обрадовался попутчице:

– Видишь, как удачно герцог отправил меня с поручением в Эду! Сделаю кое-какие дела, навещу старых знакомых, тебя пристрою и обратно! А чего ты мальчишкой вырядилась?

– Так удобнее.

– Волосы состригла, какая из тебя певичка без причёски! – сокрушался камердинер герцога.

– Косу мне обрезали, когда первые сваты пришли.

– Чем же сватам твоя коса не приглянулась?

Милтина впервые после пережитого в кабинете Эдуана потрясения улыбнулась:

– Мачеха злилась. Нечего, сказала, женихов завлекать. Вот так обстригла, – девушка провела рукой у мочки уха. – Уже отросли.

Камердинер потрепал густые волосы Милтины:

– Коса знатная была, вижу.

– Она шиньон себе изготовила, покрасила только.

Привели лошадей. Путешественнице помог забраться слуга, камердинер запрыгнул в седло сам, хвастая ловкостью. Проехали по площади, затем под надвратной башней и стали спускаться по мосту. У девушки холодок шёл по спине, затылок налился тяжестью. Всё её существо противилось отъезду. Что-то важное, самое главное в жизни она предавала сейчас. Ещё раз увидеть молодого герцога, оглянуться, вдруг он следит за ними через узкое окно! Милтина подавила в себе это желание. Эдуан и не вспомнит о дочери лесничего, ему дела нет до спасённой им девицы. Спутник что-то весело рассказывал, расспрашивал девушку. Она вежливо отвечала, иногда невпопад. Лошадки мерно постукивали копытами. Когда выехали на дорогу, свободную от крестьянских телег и пеших работников, поскакали быстрее. Тут уж не разговаривали.

6. Граф и леди

Граф Приэмм Солоу не понимал, что с герцогом. Все последние дни Эдуан был рассеян и равнодушен к обычным занятиям. Человек, который всегда вникал в любые мелочи и держал гарнизон в страхе частыми проверками, теперь отмахивался от вопросов со словами: «Делайте, как знаете!». У Приэмма хватало опыта для принятия самостоятельных решений, он всего лишь недоумевал из-за этой перемены в Громме Эдуане. Тот в одиночестве совершал конные прогулки, иногда подолгу сидел на берегу Эдулы. Не охотился, не рыбачил, рассматривал что-то в воде, в небе, в траве. Солоу и раньше не бездельничал, но теперь работы прибавилось. Подчинённые переспрашивали Приэмма по три-четыре раза. Они опасались сделать по приказу графа что-нибудь такое, что не одобрил бы Эдуан, вновь и вновь возвращались к Солоу за уточнениями. Приэмм напускал на себя строгость и покрикивал на непонятливых исполнителей. В целом такое положение пошло ему на пользу – граф приобрёл уверенность в себе и уважение ратников, которые раньше воспринимали его как марионетку Эдуана.

Стоя в центре залитой солнцем площади, Приэмм поглядывал то на ступени замка, то на дорожку к заднему двору, размышлял: тотчас смотреть привезённого по приказу Эдуана нового скакуна или после обеда. Любопытство брало вверх над аппетитом, но правильное было бы дожидаться герцога и пойти на конюшню вместе с ним. Подбежал стражник, доложил о путешествующей инкогнито даме. Леди просит позволения скрыться от преследования в замке Эдуана.

– Карету остановили у въезда на мост. Прикажете впустить или соизволите сами пойти посмотреть?

– С ней сопровождение?

– Двое верхом. В карете леди и служанка.

– Пусть заезжают.

Стражник убежал. Приэмм, забыв о скакуне, нетерпеливо ждал незнакомку. Воображение рисовало стройную чаровницу. В замке герцога даже смазливой служанки не встретишь, глазу не на ком остановиться. Граф скучал по немаловажной составляющей жизни мужчины – женской красоте. Запряжённая четвёркой лошадей карета заехала на площадь. Солоу подошёл ближе. Кони добрые, экипаж хорош. Беглянка не из обедневших... Всадник спрыгнул на землю, горделиво поглядывая на графа:

– Вы герцог Эдуан?

– Назовите себя! – Приэмму не понравился этот наглец. – Кто в карете?

– Я эсквайр Хэш, это Трио, – мужчина махнул рукой в сторону товарища, – мы сопровождаем леди Стоун.

Шторка в окне кареты отодвинулась. Любопытная служанка выглянула, улыбнулась графу и, смущённая его взглядом, откинулась на спинку дивана. В глубине кареты Приэмм разглядел прямую фигуру дамы, лицо которой скрывала вуаль.

– Граф Солоу, помощник герцога, – представился Приэмм, глядя на незнакомку. Он обошёл карету. Со стороны, где сидела леди, открыл дверцу, отбросил ступеньку и подал руку. – Прошу вас!

– Благодарю, – голосок негромкий, приятный.

Показалась ножка в изящной туфельке золотистого цвета, модного нынче в столице. Солоу невольно отметил дороговизну обуви, его сёстры не могут себе позволить такую. Леди богата, что же заставило её скрываться?

– Скажите, милорд, – спросила Луззи, выйдя из кареты, – когда я смогу увидеть хозяина замка?

– Он на прогулке, скоро вернётся. Багаж отнесут в гостевые покои.

Приэмм кивнул слугам, которые ждали приказа, те отвязали от задка кареты сундук и понесли его к башне. Горничная гостыя с позволения госпожи побежала за ними. Солоу продолжил:

– Сопровождению отведут место в казарме. Леди Стоун, соблаговолите отобедать со мной.

Девушка не успела ответить, её поспешно и не слишком вежливо отстранил Хэш:

– Мы должны находиться рядом с госпожой, – сказал он тоном, не допускающим возражений.

– Сомневаюсь, что вашей госпоже будет удобно в казарме, – ответил Солоу, насмешливо глядя на багровеющие скулы наглеца, – от кого вы призваны охранять леди Стоун? От преследователей или от тех, у кого она ищет защиты?

Луззи жестом остановила готового возражать эсквайра, подняла вуаль и с интересом взглянула на Приэмма.

– Как вы думаете, милорд, его светлость не откажет мне в убежище?

– Я со своей стороны буду умолять герцога, – Солоу разглядывал лицо незнакомки. Она хорошенькая. Небольшое пигментное пятно на правой скуле, спокойный взгляд ярко-голубых глаз. Не похожа на испуганную беглянку. – Так вы отобедаете со мной?

– Прошу извинить меня, – отрицательно качала головой леди, – я смертельно устала. Дорога, потом эти волнения.

– Не смею настаивать, – поклонился Приэмм, – позвольте, я провожу вас в комнаты, где можно отдохнуть. Как только герцог вернётся с прогулки, сообщу ему о вашей просьбе.

Гостыя слегка наклонила голову в знак благодарности и пошла к цитадели.

Луззи в душе была признательна встретившему её симпатичному человеку за то, что он хотя бы на время избавил её от общества дядиных подручных. Вели они себя по отношению к ней надменно и порядком надоели в дороге.

Девушка шагала по выпуклым камням брусчатки, не слишком удобным для её маленьких ступней. Ноги, уставшие от долгого сидения в карете, дрожали, леди пожалела, что не так хорошо знакома с графом, чтобы попросить его поддержки. Не в силах ускорить шаг, Луззи стала разглядывать центральную башню – самую укрепленную часть цитадели.

Стены из грубых камней, облицованные тёсаным камнем изнутри и снаружи, стояли на мощном основании, способном выдержать удары кирок, свёрл и стенобитных орудий. Плоские контрфорсы поддерживали стены на всём их протяжении, на каждом углу такая пилястра венчалась башенкой. На первом этаже окна отсутствовали, на втором были крошечные, и только на третьем они становились немного больше. К входу, расположенному на втором этаже главной башни, вела внешняя прикрытая предмостной башней лестница.

Поднимаясь по ступеням к предмостной башне, граф оглянулся и посмотрел на эсквайров. Те не спешили идти в казарму, не замечая поджидавшего их слугу. Хэш что-то говорил товарищу, беспрестанно жестикулируя, Трио угрюмо смотрел вслед удаляющейся девушке. «Странно, – подумал Солоу, – вид у них такой, будто врагу в пасть попали. Подозрительные типы, как она им доверилась?» В верхней части крыльца, где башня прикрывала входную дверь, Приэмм указал спутнице на часовню:

– Здесь домовая церковь, леди Стоун.

Он был уверен, что путница захочет вознести благодарственные молитвы ради успешного путешествия. Реакция Луззи на его слова была странной. Девушка побледнела, испуганно глянула в сторону часовни, будто ожидая удара. На миг она остановилась, но, преодолев слабость, пошла дальше. Солоу указывал дорогу к винтовой лестнице, размышляя о госте герцога: «Кого она боится, преследователей или сопровождающих? Почему её испугали слова о церкви, может быть, кто-то пытался насильно постричь девушку в монахини?»

Обедал граф, не ощущая вкуса блюд. Ему не терпелось узнать, оставит герцог леди Стоун в замке или нет. Образ её неотступно витал перед мысленным взором. Изящная, утомлённая дорогой. Неужели ей придётся ехать дальше? Предложить убежище в резиденции Солоу? Граф представил богато одетую беглянку в скудной обстановке родного дворца. Не к этому она привыкла. Как только сообщили о возвращении Эдуана в замок, Приэмм закончил обед и пошёл в покои герцога, оправдывая поспешность необходимостью рассказать о прибытии леди Стоун. Громм сидел за столом, не притрагиваясь к пище. Когда увидел своего вассала, сделал приглашающий жест. Граф сел напротив герцога и взял неспелое яблоко.

– Что вы скажете о незнакомке, Солоу, какова цель её приезда? – Громм тоже взял яблоко.

Откусил, поморщился и отложил в сторону.

– Это леди Стоун. Она мила...

– Хотелось бы увидеть даму, которую вы не назовёте милой.

– Не в смысле... – смутился Приэмм. – Она напугана, скрывается. Я взял на себя смелость обещать ей, что буду просить вас...

– От кого скрывается?

– Не знаю.

– Не знаете, а берёте на себя смелость. Хм. А если это преступница и скрывается от короля, например?

Солоу не ответил и, пытаясь скрыть замешательство, принялся кромсать яблоко зубами.

– Говорите, мила? – примирительно улыбнулся герцог. – Что ж, я побеседую с ней и тогда приму решение. Ничего не хотите добавить?

– Сопровождающие леди Стоун эсквайры кажутся мне подозрительными.

– Что в них подозрительного?

– Леди их опасается. Будто она не госпожа, а...

– Любовница?

– Нет! – Солоу даже привстал. – Как бы сказать? Она им обязана чем-то.

– Не беспокойтесь, граф. Спасибо, что предупредили. Я расспрошу леди Стоун о её спутниках.

После обещания герцога прошло два дня. Он не спешил знакомиться. Луззи велела служанке подкараулить Эдуана и напомнить ему об ищущей его опеки леди, но Громм надолго покидал замок, посвящая время прогулкам. Шустрая остроглазая Далле шныряла по башне, двору, подсобным помещениям и со многими перезнакомилась. Шугэ беседовал с девушкой, не скупясь на похвалы её живости и расторопности. Золле ревновала, её не очень-то успокаивали оправдания мужа, который ссылался на приказ герцога.

Как известно, слуги способны разузнать куда больше хозяев, Эдуан ждал, пока Шугэ разведает всё о госте. За её сопровождающими герцог тоже велел понаблюдать. Однако самые исчерпывающие сведения о леди Стоун Громм получил от камердинера.

Возвращаясь в замок после очередной прогулки верхом, герцог услышал стук копыт за спиной. Он остановил коня и развернул его навстречу путникам. Все эти дни Эдуан пренебрегал правилами безопасности – отказался от охраны. Не трудно догадаться, что граф Солоу приказал нескольким ратникам скрытно сопровождать господина, но Громм не замечал их, предаваясь фантазиям, любуясь природой, наслаждаясь птичьим гомоном и ароматами трав. Он вынырнул из состояния задумчивости при появлении посторонних звуков, повинувшись давней привычке.

Громм разглядел на затенённой дороге двух всадников. Это был камердинер и его служка. Опасности нет, Эдуан продолжил путь к замку, пустив коня неспешным шагом. Камердинер придержал лошадь, знаком приказал служке скакать дальше. Ехали молча. Герцог вглядывался в небо – нет ли где орлана. С тех пор, как подстрелили похитившего парнишку хищника, ничего

о появлении птиц в предгорьях не слышно. Надо же, залетел один единственный за долгое время и принёс вместо обещанного счастья такую мороку!

Ехали молча. Камердинеру не терпелось доложить господину об успешной поездке в Эду, он привлекал к себе внимание покашливанием.

– Как дела в городе? – спросил Громм, по-прежнему разглядывая облачка.

Старик пустился в пространный рассказ о трудностях и успехе выполненного им поручения, попутно сообщил о жизни Эдуского света, о здоровье матушки-герцогини, о будущем обеих леди Эдуан. Господин слушал рассеянно, пока внимание его не было привлечено следующими словами:

– Я и не представлял себе тех восторгов, с которыми благодарил меня директор театра. А ведь сначала определил её швейей, не поверил мне! Потом в храме на клиросе услышал, как поёт – не иначе как райская птица. У девочки редкий голос! И слух прекрасный. Ей уже доверяют небольшие роли. Признаюсь, не утерпел, заглянул на один спектакль. Обворожительная актриса, публика встречает её овациями.

Камердинер прослезился и вытирал манжетами слёзы.

– В менестрели собиралась, глупенькая! Разве можно такой милашке по дорогам бродить? Лихих людей немало на свете!

– О ком речь? Что-то я не пойму.

– О девчонке, что вы от орлана спасли!

– Это парень был...

– Какой же парень, ваша светлость! Одетая и подстрижена она была как мальчишка, голос у неё, опять же, низкий. Собиралась пением и лютней зарабатывать, – рассмеялся камердинер, – известно, что девица. Золле выхаживала её и рассказала всем.

– Мне никто не говорил, – герцог вздохнул глубоко и протяжно, будто теснящие грудь ремни наконец лопнули, – значит, она первая женщина, которую увидел, когда... Всё не так плохо, как я думал.

– Не сомневался, ваша светлость, что вы порадуетесь за девочку, – по-своему расценил широкую улыбку господина старик, – всё-таки жизнь ей спасли! В замке без перемен?

– Как же! Мы имеем честь принимать леди Стоун. Она скрывается от кого-то.

– Стоун? Помню, была трагедия с семейством Стоунов. Разбойники зарезали всех: графа, его супругу, слуг. Маленькой леди было тогда лет десять, её не нашли.

– Шугэ говорит, наша гостья воспитанница барона Данетца.

– Вот как? Ещё интереснее. Вы знаете, что барон заколол вашего дядю на дуэли?

– Брата моей матери убил Данетц?

– Да, это случилось ещё до свадьбы ваших родителей. Поговаривали, что барон возненавидел всех Горроу. Странно, что воспитанница ищет убежища в замке родственника его врагов.

– Много странностей, – кивнул Эдуан.

Всадники подъехали к воротам. Солнце уже спряталось, быстро темнело.

После разговора с камердинером герцог вернулся к обычным занятиям и даже нашёл время для беседы с гостьей. Принимал он Луззи в кабинете, предложив ей удобное кресло. Измотанную долгим ожиданием леди трясло. Насмешливый взгляд прекрасных глаз собеседника, сама его поза бесили её. Сидел герцог упираясь в подлокотник, отчего плечо сильно поднялось, а другая рука висела плетью.

О холодности и надменности Эдуана в свете ходило множество легенд, которые кого угодно заставили бы отказаться от мысли пробудить в нём сочувствие своей несчастной судьбой. Дни, наполненные поминутным вздрагиванием, когда слышатся чьи-то шаги, прогулками по коридорам и лестницам с целью попасть хозяину замка на глаза, окончательно взвинтили девушке нервы. С каждым часом положение становилось всё более унижительным. Для чего

он так мучает её? Разве она выдала себя? Чем? Когда? Быть может, хозяин замка, где искала защиты беглянка, знает о ней куда больше, чем ожидалось?

На прямой вопрос Громма о причинах её бед Луззи сказала заготовленную речь из дядиного письма:

– Опекун обещал мою руку одному неприятному господину. Поверьте, ваша светлость, я бы выполнила волю дяди, которому многим обязана, если б не была напугана.

– Чем же?

– Человек, за которого меня сватают, вдовец. В прошлом году его молодая жена скончалась. Она была четвёртой!

– Вот как? – Эдуана развеселило сообщение гостыи. – Вы пятая жертва?

– Право, я не понимаю причин вашего смеха! – сказала девушка.

– Неужели? Вам не кажется странным поведение дядюшки, отдающего любимую племянницу в столь сомнительные руки? Симпатичная, образованная, хорошо воспитанная леди заслуживает лучшей партии!

Лукавые глаза Громма выдали его интерес к собеседнице. Луззи, перехватывая откровенный взгляд, всё более смущалась. Мимика герцога не соответствовала общему мнению о его характере. Где высокомерие и равнодушие? Где ледяное сердце? Так ли нужна волшебная шкатулка, о которой говорилось в письме барона? Дядюшка отправил леди Стоун сюда именно сейчас, чтобы подсказать герцогу решение: воспользоваться случаем и объявить невестой достойную его руки девушку. Данец, зная замысел герцогини, не сомневался, что Громм, увидев Луззи, откроет шкатулку, влюбится и, выполняя желание матери, женится, попутно спасая леди от несуществующей опасности. Однако герцог не спешил следовать изошрённой задумке барона. Неготовой к расспросам леди Стоун пришлось действовать по собственному разумению.

– Почему ваш опекун так жесток? Не хотите об этом говорить? – хитро шурился Эдуан.

– Не знаю. Дядюшка чем-то обязан этому человеку, не смеет отказать.

– Итак, вы бежали от нежеланного брака. Сопровождающие вас люди кому служат?

– Мне.

– Где вы их наняли? Когда?

– Моя подруга... – начала Луззи и запнулась.

Герцог прервал её:

– Не торопитесь отвечать, леди Стоун. Я допрошу их. Они догадаются рассказать мне про вашу подругу? – увидев, как гостыя закрыла лицо руками, смягчил тон. – Не обижайтесь. Мой интерес не из предвзятости. Вы просите заступничества, но скрываете имя того, кто вам угрожает. Отказываетесь называть опекуна, сообщить, кто ваш жених. Не находите это подозрительным?

Луззи, не отнимая рук, отрицательно покачала головой.

– Мне известно, что ваш опекун барон Данец. Вас сопровождают его люди?

Девушка напряглась и выглянула из-под пальчиков, часто моргая.

– Как вы догадались? Да. Я не решалась сказать. Взаимоотношения между домами Горроу и Данецов так напряжены.

– Вас сопровождают люди барона? – повторил герцог. – Он знает, что вы здесь?

– Да. Вернее, нет. Он сам направил меня.

Шкатулку на столе Эдуана Луззи заметила сразу, та ли это вещь, о которой говорил дядя? Леди Стоун поборола растерянность, убрала, наконец, руки от лица и перешла в наступление:

– Барону и самому не нравится постылый мне брак, открыто заявить об этом он не решается. Поэтому устроил мой побег так, чтобы казаться непричастным, – девушка наклонилась вперёд, протягивая руку к шкатулке, – скажите, герцог, это та самая, что передала герцогиня Эдуан?

– Откуда вам известно о посылке?

– Ваша матушка рассказала мне. Она велела умолять вас открыть шкатулку в моём присутствии. Что в ней? Могли бы вы показать? Так любопытно.

– Вы знакомы с моей матерью?

– Имела счастье видеть её перед отъездом сюда.

Герцог встал и прошёлся по комнате. Он был озадачен:

– Поведайте, где вас думал прятать барон Данецц?

– Он отправил меня к герцогине Эдуан. Племянницу барона Данецца никто не будет искать там, зная о его неприязни к Горроу. Матушка ваша приняла меня как родную и предложила ехать в Эдунский замок, обещая безопасность и доброе отношение. Единственной её просьбой было уговорить вас открыть шкатулку, – Луззи замолчала, поймав недовольный взгляд Громма.

Герцог подошёл и подал руку, гостя вынуждена была подняться и проследовать к двери из кабинета, выслушивая обращённые к ней не слишком приятные слова:

– Рад буду оказать вам гостеприимство, леди Стоун, служанка останется при вас, а вот люди барона должны покинуть крепость.

Проводив Луззи, Громм взял в руки шкатулку. Самое время было бы воспользоваться ей в присутствии милой запуганной девушки. Если б вновь испытать чувства, нахлынувшие, когда он открывал изящную коробочку. Герцог поддел пальцем крышку. Голова закружилась, почудился дивный аромат, сердце заколотило так, что Громм прижал руку к левой стороне груди, стараясь унять его. Что это? Желание его исполнилось? Нет, это лишь воспоминание. Воздух по-прежнему тяжёл, а в беспокойной мятущейся душе теплится образ тоненького сладкоголового подростка.

Как было бы приятно ощутить неодолимую тягу не к простолюдинке, а к истинной леди! Почему мать не предупредила о приезде Луззи? Глупые игры! Громм нашёл письмо, перечитал его. Ни слова про леди Стоун! Конечно, можно жениться без этого, девушка умна, застенчива... Если б не мучительные воспоминания о менестреле! Надо избавиться от них! Вот и письмо дяди Грэга. Разглаживая серый, испещрённый изящными буквами лист, герцог Эдуан вдруг отчётливо увидел горы, орлана, парящего над ущельем, быструю речку с блестящими на солнце гладкими камнями. Напрягая до боли глаза, рассмотрел дорогу, россыпь домиков, рядом с одним сад, в котором копается сухой высокий старик. Кто это? Чей дом? На миг зажмурил глаза и в яркой темноте увидел деда, беседующего с кем-то, у того другого в руках шкатулка.

Надо найти колдуна. Смог одурманить лекарством, пусть теперь избавляет от глупой зависимости!

Луззи вернулась в свои покои, села перед зеркалом. Тщательно наложенная пудра осыпалась, пигментное пятно выступало ярче обычного.

– Ужас, – прошептала девушка сердито, – сколько надо слоёв?

Она взялась за пудреницу.

– Думаете, вы не понравились герцогу, госпожа? – хохотнула суетившаяся рядом служанка.

– С чего ты взяла, что я хочу ему понравиться? – сверкнула глазами на Далле леди Стоун.

– Кем же надо быть, чтобы не хотеть этого! Все мечтают понравиться красавцу Эдуану!

– Как ты смеешь так рассуждать, несносная!

– А что? – подбоченилась Далле. – Мне так его светлость подмигнул, когда я шла с корзиной белья на речку. И улыбнулся! Зря здешние болтают, что он на женщин не смотрит!

– Тебе? Подмигнул?

Луззи обернулась к служанке и, оскорблённая её горделивым видом, строго сказала: «Иди делом займись!»

Леди Стоун рассердилась. Где это видано! Ей герцог не доверяет, изводит расспросами, а служанке подмигивает! Если раньше Луззи мучили сомнения, совестно было участвовать в дядюшкиной игре, зная о недобрых намерениях в отношении Громма, то теперь задетое самолюбие взывало к справедливости. Ледяной герцог притворяется равнодушным, пренебрегая чувствами аристократок, а сам с простолюдинками развлекается!

Луззи взялась за письмо барону, где сообщила, что добиться смогла лишь одного – осталась в замке. Что делать дальше, пока не знает. Расчёт на шкатулку не оправдался, по всему видно, Эдуан и не думает её открывать.

Послание она передала через эсквайров Трио и Хеша, которые вынуждены были покинуть эдунский замок вопреки приказу своего сюзерена.

7. Профессор-изгой и его ведьма

Новое разочарование ожидало леди Стоун на следующий день. Торжествующий граф Солоу сообщил о готовности опекать гостью, повинувшись поручению герцога. Узнав, что Эдуан уехал и вернётся через месяц, не раньше, Луззи едва не разрыдалась. Бессмысленно уходит время! Принимать знаки внимания Приэмма она не могла, отказывалась от прогулок, от совместных трапез и бесед. Девушка не хотела тешить пустыми надеждами влюблённого симпатичного ей человека и опасалась, что отъезд герцога лишь проверка: после возвращения Эдуан расспросит подчинённых о том, как гостя проводила время, пока он отсутствовал.

Луззи жила затворницей, изредка позволяла себе прогулки в небольшом саду, сопровождал её камердинер герцога. Старик, огорчённый отказом хозяина взять его в путешествие, утешился возможностью заботиться о леди. Граф Солоу наблюдал комичную пару со стороны: высокая печальная девушка выступает размеренным шагом, и сухонький небольшой старик, широко жестикулируя, семенит рядом и рассказывает ей что-то. Гостя скучала в Эдунском замке, граф страдал от её равнодушия, герцог тем временем колесил по королевству, надеясь разыскать учёного-изгоя, дабы избавиться от наваждения и с чистым сердцем предложить леди Стоун свою руку и титул.

Громм для начала посетил графа Горроу. Дядюшка удивился его приезду, первому за долгие годы. Счёл это хорошим признаком, по-видимому, ожидаемые перемены произошли, племянник начал проявлять интерес к чему-то помимо военного дела. Узнав о деликатной теме, которую хочет затронуть молодой человек, граф пригласил его в кабинет, подальше от лишних глаз и ушей.

Грэг только руками развёл в ответ на расспросы:

– Больше двадцати лет прошло. Уже тогда колдун был немолод, скорее всего, он покинул наш мир.

– Человек, изобретающий лекарства от болезней, которые все считают неизлечимыми, способен и в собственном теле поддерживать жизнь.

– Но я ничего не слышал о нём. Если бы кто-то ездил за исцелением...

Эти доводы герцога не убедили. Вряд ли кто-то, как и он сам, начнёт трубить направо и налево о тайных болячках.

– Кому дедушка рассказал, где добыл лекарство? – Громм указал на шкатулку, которую вернул дяде.

– Только мне, а я Эмми и тебе, – дядя понимающе кивал, – ты прав, любой постарается скрыть посещение королевского изгнанника. Возможно, он жив и здравствует. Проверить стоит.

Граф медлил, с любопытством глядя на красивое лицо племянника, потом подошёл к громоздкому покрытому зелёным сукном столу и принялся выдвигать тяжёлые ящики один за другим.

– Я просматривал отцовские бумаги, нашёл четыре безымянных адреса. Есть ли среди них нужный, не знаю.

Наконец, он достал потрёпанные листы и протянул их Громму.

– Проверю все четыре, – герцог изучал записи, – путь неблизкий, местечки в разных частях королевства. Не меньше полугода потребуется, чтобы навестить все четыре места.

– Да, если не повезёт с первым или вторым.

– Дядя, вам известно, кто сопровождал деда? Верные люди, не так ли? Таких не увольняют.

– Понял тебя, – Горроу тёр себя за ухом, вспоминая, кого из слуг отец мог взять в ту поездку, – садовник! Он здесь больше тридцати лет. Раньше на конюшне работал, может быть, и знает, с кем уезжал отец.

– Позовите его скорее!

– Пойдём в сад, не будем возбуждать любопытство прислуги.

Они вышли на прогулку и, неспешно прохаживаясь по тщательно выметенным дорожкам, разыскали сгорбленного, но неунывающего старика. Тот, хитро поглядывая на господ, выслушал их вопросы и ответил неожиданно звонким голосом:

– Так я ж и возил его милость к лекарю тогда.

– Как возил? К какому лекарю? – хором спросили дядя и племянник и переглянулись, радуясь удаче.

– Кучером, ясно как! Я в те годы кучером служил. Дед этот шибко учёный и живёт далеко. Я, прямо скажем, подозреваю, что он колдун, не зря хозяин велел помалкивать об нём. Как же вы прознали?

– Ты помнишь, как ехать? – уточнил Горроу.

– Ясно, помню, как не помнить! Поначалу к Эду правили, но не доехали, свернули. Эду у границы, а мы за горы, вглубь. Там он и обитает, коли жив ещё, – садовник поднял глаза к небу.

– Поедешь со мной? – спросил Громм.

– Ежели прикажет милорд, – поклонился тот.

Один из найденных Грэггом Горроу в бумагах отца адресов подходил под описание садовника. Эдуан предположил, что там и надо искать учёного-изгоя. Выехали на следующий день утром. Лошадьми правил кучер герцога, ещё два человека сопровождали их верхом, старику позволили ехать в карете. Садовник, стараясь оправдать эту честь, то и дело выглядывал в окно и подтверждал правильность выбранного направления.

Громм, не полагаясь на его память, усомнился в точности примет, старик тут же стал в подробностях рассказывать о давнем путешествии. Называл места ночёвок и обедов с перечислением заказанных графом блюд, имена трактирщиков. В первом трактире, где они остановились на ночлег, герцог мог убедиться, что садовник не привирает. Удивительно, как простой неграмотный человек сохранил такую великолепную память и живой ум. Теперь Эдуан с доверием относился к речам проводника, выслушивая его рассуждения о тех временах, старом графе Горроу, учёном-отшельнике и болезнях человеческих. Знаменитый изгнанник в ту пору пожаловал лекарство и кучеру графа, вот почему старик имеет светлую голову, зажился на этом свете и помирать не собирается.

На пятый день достигли цели.

– За тем поворотом и домик! – горячился проводник, указывая в окно.

Повернули, остановились. Герцог вышел из кареты, следом выбрался дядюшкин садовник. Небольшой дом, ухоженный огород, свежевыкрашенная изгородь. Над грядками хлопочет седовласый старец.

– Это он? – спросил Громм.

– Нет. Длинный. Слуга был дылда, а сам махонький. В доме, наверное.

Седой увидел приезжих, подошёл к изгороди.

– К лекарю мы, – сказал ему Эдуан, – доложите: герцог... вернее, внук графа Горроу.

Высокорослый слуга поспешил в дом, вскоре выглянул и, кланяясь, пригласил герцога к хозяину. Громм поднялся на крыльцо, прошёл внутрь и, привыкнув к полутьме, разглядел сидящего в глубоком кресле сморщенного старичка.

– Хэлпэ, чаю гостю! Сопровождающим в беседке накрой! – послышалось из кресла.

Слуга выскочил из комнаты и вернулся с подносом. Ягодный аромат, аппетитный вид щедро посыпанных кунжутом булочек возбуждали аппетит.

– К чаю как раз успели, – доброжелательно улыбнулся хозяин, показывая крупные, на удивление белые зубы, – надо подкрепиться с дороги.

Герцог сел на край скамьи напротив хозяина и принялся за булочки, наслаждаясь угощением. Со двора слышались покрикивания кучера и Хэлпэ – они занялись лошадьми. Колдун, шурясь, изучал Громма.

– Зачем пожаловали? – поинтересовался старец, видя, что первый голод гостя утолён. – Вы, я понял, человек здоровый. О родственнике хлопчете?

– Здоров я благодаря вам... м-м...

– Можете называть меня профессор. Король лишил званий, но это не мешает в частной беседе забыть о давних неприятностях.

– Да, профессор. Итак, наследственный недуг оставил меня благодаря шкатулке, полученной от вас графом Горроу.

– Вы приехали сказать спасибо? – старик заёрзал в кресле. – Это первый случай! Обычно, расплатившись за лекарство, люди забывают обо мне. Помогло или нет, остаётся гадать. Рад, рад вашему визиту! Так что же? Каковы ощущения?

– Не могу сказать, что всеми переменами я доволен. Знаете, профессор, раньше было спокойнее, теперь постоянно мелькают перед глазами все эти женские формы, пальчики, ручки, глазки.

– Ну-ну? Это ничего, привыкнете!

– Беспокоит неудобное следствие применения лекарства. Хочу избавиться от него. Надеюсь, поможете.

– Поясните, какое следствие? – чародей посерьёзnel.

– По неосторожности, после того, как шкатулка была открыта, я разговаривал с девушкой. Теперь её образ преследует меня. Необходимо избавиться от наваждения. Дайте мне средство.

– А! Вот о чём. Не беспокойтесь, это временное чувство.

Он замолчал, прикрыв глаза. Герцог решил, что собеседник дремлет, и постучал ложечкой о край чашки, привлекая к себе внимание. Старик пошевелился и продолжил говорить:

– Нет-нет, я не сплю. Размышляю о том, как лучше объяснить. Да. Взросление мужчины с ледяным сердцем лишено юности. Вы не испытали нарастающего интереса к женщине, безнадежной влюблённости, разочарований и восторгов. Когда лекарство подействовало и дремлющие в организме силы запустились, всё, что происходит с человеком за несколько лет, нахлынуло в один миг. Не имея опыта, вы считаете чувство вечным. Это не так.

– Значит, никакого снадобья не требуется, профессор?

– Да. Если только...

– Что?

– Вызванные действием шкатулки чувства уйдут, если это не истинная любовь.

– Какая любовь! – рассмеялся Громм. – Я видел девчонку второй раз в жизни, даже принял её за парня!

– Хорошо, милорд. Вы останетесь у меня или поспешите домой?

– Простите, профессор, я представился как внук графа Горроу, но это мой дед по матери. Я герцог Эдуан, – Громм поклонился. – Благодарю за приём. Сейчас же отправлюсь в обратный путь.

– Эдуан? Ваша резиденция в Эду?

– Там живёт моя мать.

– Ваша светлость! Умоляю, выполните просьбу профессора-изгоя!

– Всё, что в моих силах.

Старик поднялся с кресла и, шаркая, подошёл к широкому, чуть ли не на полкомнаты, ореховому шкафу. Вернулся к столу с фолиантом. Громм предусмотрительно сдвинул в сторону поднос и с удивлением разглядывал оказавшуюся перед ним огромную книгу.

– Передайте, пожалуйста, моему ученику. Он живёт в Эду. Мне туда не доехать, а за Виктоу, возможно, следят, посещать меня опасно, – сказал учёный, склоняясь над гостем. – Труд всей жизни. Никто, кроме Виктоу, не оценит и не сохранит его. Здесь, обратите внимание, вложен адрес его лаборатории.

– Хорошо, – Эдуан поднялся из-за стола и бережно взял книгу, – ещё раз благодарю, профессор, за помощь! Сколько вам заплатить?

– Я не нуждаюсь, дорогой герцог. Если сочтёте нужным пожертвовать деньги на развитие науки, передайте их Виктоу. Он, хотя и дворянского рода, не располагает средствами, достаточными для своих многочисленных опытов.

Что-то ещё беспокоило гостя, старик заметил это и сказал, вновь усаживаясь в кресло:

– Спрашивайте, не стесняйтесь. Не терпится узнать, как я оказался здесь? – он медленно повернул голову, как будто рисуя крупным носом дугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.